

ДБ 30

В 93

Виноградный А.
Краткий
курс по
истории рев.
губернии
в Костромской
губ.

А. ВЫСОЦКИЙ

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ПО ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В
Костромской губернии

КОСТРОМА

1926

km

ДБ
30
93

32

323.9 (47.35)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. ВЫСОЦКИЙ

КРАТКИЙ ОЧЕРК

ПО ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЙ ПРАВДЫ
ИЗВ. № 43230

КОСТРОМА
1926

Кострома, 1926 г. Гублит № 438. Зак. № 1869. Тираж 500.
Гипо-литография „Северная Правда“.

История революционного рабочего движения в Костромском крае тесно связана с развитием в нем промышленных предприятий, главным образом, текстильных. Еще во второй половине XVIII века возникает первая в Костроме полотняная фабрика купца Угличанинова, а затем организуется целый ряд ей подобных. К началу XIX столетия Костромская губерния была губернией носившей определенно промышленный характер и насчитывала около 35 полотняных фабрик, из коих 14 было в г. Костроме, 4 в г. Кинешме, 3 в г. Плесе, 1 в г. Нерехте, а другие были расположены в сельских местностях. На фабриках г. Костромы уже в то время работало более 3000 человек. Рабочие фабрик и заводов того периода состояли из крепостных крестьян, работавших на принадлежащих дворянам фабриках или из крепостных казенных крестьян приписанных к купеческим промышленным предприятиям (поссессионные фабрики и заводы). Были также и вольнонаемные рабочие из числа отпущенных на волю крестьян, а также из городских мещан, посадских жителей и частью из бывших церковников.

Положение рабочих на этих фабриках и заводах было чрезвычайно тяжелым, не говоря о том, что значительная часть их была в крепостной зависи-

мости от фабрикантов и заводчиков и была на положении рабов. Рабочий день нередко начинался с 4—5 часов утра и кончался в 10 часов вечера. Таким образом, рабочий день продолжался от 12 до 16 часов в сутки, а заработная плата не превышала 5—6 рублей в месяц. Положение женщин и подростков было еще более тяжелым и их труд оплачивался несравненно ниже среднего заработка того времени. Помещения самих фабрик и заводов были плохи, темны, грязны и не оборудованы. Суровая дисциплина поддерживалась на этих фабриках: наказания плетью, батожем, сдача в солдаты, ссылка на каторгу, вычеты платы за работу на 3 месяца — вот те меры, которыми держали рабочих в послушании, в повиновении на фабриках и заводах. К этому надо добавить, что и домашняя частная жизнь рабочего не ускользала из-под влияния хозяйского глаза и в своей семье рабочий-крепостной должен был устанавливать порядок нужный и выгодный хозяину.

Такое тяжелое положение рабочих заставляло их искать выхода в бегстве с фабрик. Но это не давало, зачастую, желаемых результатов: беглеца разыскивали, возвращали хозяину, нещадно наказывали и, если после наказания беглец выживал, он опять водворялся на завод или фабрику. Пытались также рабочие облегчить свое положение, добиваясь свободы путем подачи просьб властям и суду, но этот путь был доступен лишь одиночкам-рабочим, имевшим деньги для подачи просьб и для ведения судебных дел. Результаты же и в этом случае были не в пользу рабочих: редко кто получал удовлетворение, даже и законных претензий. На почве полного бесправия и рабской зависимости возникали на фабриках волнения. Так известно принявшее массовый характер волнение крестьян

вотчины купца и фабриканта Углечанинова (1797 г.). Крестьяне жаловались на жестокое обращение с ними, на непосильный тяжелый труд на фабрике, на наказания плетью, прутьями и на то, что их сажают на цепь, заковывают в кандалы. Некоторые из наказываемых не выдерживали наказания и умирали, а некоторые кончали жизнь самоубийством. Поданная царю рабочими жалоба на фабриканта Углечанинова, привела к тому, что Углечанинов запер на конюшню подавших жалобу и проморил их голодом 8 дней и лишь вмешательство генерал-прокурора спасло их от возможно более жестокой расправы. Положение же рабочих в целом не улучшилось. Такую же неудачную попытку облегчить свое положение рабочие фабрики Углечанинова повторяют и в 1818 году путем подачи жалобы министру юстиции. Жалобщики были сданы в рекруты. Такая безысходность положения крепостных рабочих наталкивала их на мысль уничтожения фабрик, в которых они видели источник тяжелого рабского их положения. Известен факт, когда рабочие шумской суконной фабрики сожгли ее, чтоб избавиться от по истинне каторжной работы. Таково было положение рабочих в крепостную эпоху. Стремление к освобождению от тяжелых условий труда и бесправного положения и тогда уже выявлялось среди них с большей яркостью и настойчивостью чем крепостных крестьян работавших в сельском хозяйстве. Рабочие подвергались более изнурительной эксплуатации, более организованной и, в свою очередь, толкались на путь большей организованности и сплоченности условиями этого фабричного труда.

Вторая половина XIX столетия знаменуется для костромского края большим ростом промышленных предприятий. Так к 1858 г. по губернии работало 99 предприятий с 11 тысячами рабочих. Положение

рабочих уже было в значительной степени не похоже на прежнее. Возрастало число вольнонаемных рабочих и уменьшалось число крепостных, а после отмены крепостного права фабрики и заводы целиком имели дело с наемными рабочими. Вместе с тем изменилась и техника: фабрики и заводы оборудовались улучшенными машинами, мощными двигателями. Все это способствовало формированию рабочего класса, его классовой сознательности. Конечно, оформление революционного самосознания шло в условиях борьбы рабочего класса. Первая забастовка костромских рабочих относится к 1873 г. Поводом к забастовке послужило распоряжение администрации фабрики Михиной начать ваботу в новый год (1 января), в то время, как на других фабриках работа начиналась со 2 января. Михинские рабочие, числом в несколько сот, собравшись перед фабрикой, начали бить стекла в окнах фабрики, и разнесла сторожку. К забастовавшим рабочим михинской фабрики присоединились многие из рабочих шиповского механического завода. Для усмирения рабочих были вызваны войска, после чего толпа разошлась. Рабочие, в результате этой далеко неорганизованной забастовки, все же добились того, что работы были начаты со второго дня нового года. Примечательны также волнения рабочих на упомянутом механическом заводе Шипова в 1878 г. Рабочим не выдавалась заработная плата в течении 2-х месяцев, а продукты они получали из фабричной лавки по дорогим ценам, да и к тому же в лавке не было того, что было нужно рабочим. Сделав из кусков рогожи подобие флага, рабочие с криками „Шипов прогорел“ собрались перед конторой завода и требовали уплаты денег и выдачи впредь платы два раза в месяц. В этой забастовке шиповских рабочих выявляется участие революцио-

неров-народников, т.-к. у арестованного в 1879 г. некоего Альтовского было найдено „воззвание“, написанное его собственной рукой и в котором говорилось: „Братья-труженики! Осмотритесь вокруг себя да внимательнее, с сознанием, что вы люди, а не рабочий скот, — то увидите, что вся и все живет на ваш счет: начиная от большого барина до его последнего безмозглого холопа нежится и жирует твоим потом и кровью“. В конце воззвания был призыв взять управление заводом в свои руки. Очевидно влияние революционеров все более и более распространялось среди рабочих и поэтому правительство сообщает губернаторам о необходимости.. „особенно тщательно наблюдать за тем, что не ведутся ли рабочими между собою рассуждения о получаемой ими задельной плате... нет ли в среде рабочих таких личностей, которые по неблагонамеренности своей могут иметь вредное влияние на рабочих...“ Вопрос о заработной плате, о экономических условиях — это было основой причин рабочих волнений того времени и поэтому, Альтовский в своем воззвании особенно подчеркивал, что шиповским рабочим заработную плату выдают „через два месяца в третий“.

Понятно, что на почве тяжелого экономического положения, низкой заработной платы на различных фабричных предприятиях в 80-х и 90-х годах прошлого столетия возникают забастовки. За период с 1879 г. по 1890 г. известно о 14 наиболее крупных забастовках. В некоторых из этих забастовок выделяются активные группы рабочих, которые и берут на себя роль руководителей забастовок. Это тем более понятно, что в то время среди рабочих начиналась организация кружков. В 1883 г. в Костроме существовал кружок, на каждого члена которого возлагалось ведение пропаганды и есть

сведения об арестах в кружках учащих, об аресте механика шиповского завода. Еще большим показателем роста революционной борьбы и сознательности рабочих является количество участников забастовок. Первые забастовки были с небольшим числом участников, так на фабрике Дороднова в 1888 г. бастовало даже всего 13 ткачей, но в общем, число участников забастовок росло и в среднем на каждую забастовку из 11 забастовок того времени приходилось 257 чел.

Если мы видим, что в 90 г.г. были кружки, в которых велась революционная пропаганда, то число их возрастает в последующие годы, их пропагандистская работа становится все более глубоко проникающей в рабочие массы. Вместе с тем эта революционная пропаганда приобретает определенно социал-демократический характер, вытесняя и без того слабые народнические влияния в рабочей среде (кружок М. Сабунаева). Немало способствовали распространению среди рабочих соц.-дем. идей высланные из крупных центров. Первая забастовка, вернее стачка, которая прошла под руководством соц.-демократии (тогда — союза борьбы за освобождение рабочего класса) относится к 1896 г. Она служила известным откликом на стачку 30000 петербургских рабочих. Зотовские рабочие, инициаторы стачки, выбрав на особом собрании руководителя, предъявили к фабричной администрации требование о сокращении рабочего дня с 13 ч. до 9 час., а также об оставлении летней расценки на зиму, о смещении управляющего ткацким отделом, о приеме в больницу членов семейств рабочих. Эта стачка длилась около недели и вызвала глубокое сочувствие и помощь со стороны рабочих других губерний. После стачки администрация, удовлетворив часть рабочих требований, стала относиться

к рабочим с большим вниманием. Прибавка заработной платы в результате этой же стачки была сделана и на фабрике Кашина.

Успех этой забастовки зотовских ткачей способствовал организации в последующие годы ряда с.-д. рабочих кружков, из которых особо следует отметить кружок Д. А. Семенова и его сестер („Монашенки“). Из этих кружков впоследствии вышли руководители и организаторы более широкой революционной борьбы костромских рабочих. Такие же кружки имели место и в других фабричных местах губернии. С этого времени особо широко начинает распространяться нелегальная литература, а в 1899 г. (с 16 на 17 августа) были расклеены прокламации с призывом к свержению самодержавия. Были у рабочих также и попытки организовать легальные организации, как например рабочую кассу, но это лишь повело к разгрому самой кассы и к аресту ее участников. Кроме того появляются провокаторы в рабочих кружках, что влечет за собой аресты и провалы. Так в 1900 г. были арестованы и высланы на 3 года два брата Плугины, Соколов Никандр, два брата Барабановы и др. Но в этом же году костромская группа Р. С.-Д. Р. П. входит в состав „Северного Союза“, устанавливает через посредство профессионалов-революционеров (О. Варенцова) связь с заграничными партийными центрами и с газетой „Искра“. Это знаменует собою то, что с.-д. партийная организация, не смотря на отдельные аресты, глубоко пустила корни в рабочей массе, разрослась и оформлялась идейно. Такому положению не мало способствовали развитые политически-стойкие рабочие, как И. П. Александров („Макар³“), высланный из Петербурга путиловский рабочий, хороший организатор и пропагандист.

Некоторый промышленный кризис ощущавшийся в 1901 г. вызвал ряд уличных демонстраций в крупных, промышленных городах России. В Костроме рабочие начали готовиться к „маевке“, но до 1 мая около 20 рабочих-передовиков и партийцев—было арестовано, а накануне 1 мая в фабричном районе был размещен усиленный наряд полиции и солдаты. Рабочие после арестов в их среде еще больше стали интересоваться партийной пропагандой и нелегальной литературой. В июле месяце соц.-дем. группа выпускает ряд воззваний, из которых в одном заявлялось о присоединении рабочих кружков к РСДРП. В августе того же года в Кинешме происходило совещание представителей партийных групп г.г. Костромы, Ярославля, Иваново-Вознесенска, Владимира. Это совещание еще больше оформило положение костромской партийной организации, помогло наметить увязку действий партийных организаций этих городов. Можно сказать, что и последующий 1902 г. был в рабочем революционном движении в Костроме годом накопления сил, внутренней их организации. В январе этого года в Воронеже состоялась конференция „Северного Союза“, разобравшая вопросы программы союза и ряд организационных вопросов. После конференции, хотя на ней и не присутствовал представитель костромской организации, работа оживилась, особенно в связи с тем, что в Кострому была переведена партийная типография. Деятельность „Северного Союза“ привлекает внимание департамента полиции и, получив обстоятельные агентурные сведения о нем, а также захватив на границе некоторые документы союза, департамент полиции через известного Зубатова посылает во все города, входившие в „Северный Союз“, опытного провокатора Меньшикова. В результате этого в Костроме был произведен ряд обы-

сков и облав и была также захвачена полицией партийная подпольная типография. Все же всех товарищей-партийцев и революционеров полиция не могла выловить, да к тому же в Кострому прибывали новые партийные силы, как Зеликсон-Бобровская (от „Искры“).

Годы 1901—1902 были сравнительно спокойными в отношении развертывания революционного движения. Велась углубленная партийная работа, устанавливались связи с массами, оформлялось политическое содержание революционной борьбы и к 1903 г. Костромские рабочие, как и вообще все рабочие России, в достаточной степени сознавали, что классовая борьба есть борьба политическая, для руководства которой нужна партийная, с определенной программой, организация. Поэтому революционные выступления 1903 г. носят более организованный и массовый характер. Более четки и требования рабочих. В Костроме 8 мая вспыхнула забастовка на Михинской фабрике и длилась 6—7 дней. Забастовавшие организовали политическую демонстрацию, прошли по всему городу с красными флагом, предъявили губернатору свои требования, в которых указывалось на то, чтоб администрация фабрики прекратила произвольную сбавку заработной платы, кулацкую расправу мастеров с рабочими, постоянные штрафы и прочее самоуправство. В ответ на это полиция и жандармерия при участии двух рот солдат устроили дикую бойню мирной демонстрации. Эта забастовка и демонстрация особенно памятна костромским рабочим. В этом „Михинском бунте“, как называли тогда это революционное выступление, рабочие впервые активно сопротивлялись полиции, начав у фабрик строить баррикады и бросая в полицию камнями. Место, где происходила расправа

полицейской и жандармерии получило название „Михинского сквера“, где и в последующем происходили собрания, митинги и демонстрации рабочих текстилей. По делу о „Михинском бунте“ было привлечено 24 рабочих, из коих 18 было оправдано, а остальные были приговорены к тюремному заключению от 6 мес. до 2-х лет.

Майская забастовка дает толчок оживлению революционной кружковой и массовой работе. Костромской комитет РСДРП писал в своем обращении „к обществу“ следующее, характеризуя настроение рабочих: „В Костроме и вдруг... политическая демонстрация... Это ли не доказательство того, что и в широких кругах рабочего населения просыпается ясное сознание того бесправия и гнета, среди которых мы живем, просыпается новое стремление к политической свободе и человеческой жизни“. В другой листовке комитет, обращаясь к рабочим, призывает их: „так будем же, товарищи, стойко бороться за свободу и за свои требования. Не будем бояться жертв, которых потребует от нас эта борьба. Наша победа близка. Заря свободы уже светит над нами и загорается все ярче и ярче“. В октябре 1903 г. Комитет призывает рабочих особой листовкой к всеобщей забастовке совместно со всем русским рабочим классом. Влияние партии возрастает, растет количество распространяемых среди рабочих прокламаций выходящих из местной партийной типографии в большом числе названий. Но не дремлет полиция и жандармерия, арестуя видных рабочих-революционеров. 1903 г. по характеру в значительной степени бурного революционного движения есть полное основание назвать „предтечей“ 1905 г. В одной из листовок начала 1904 г. костромской комитет партии так оценивал истекший 1903 г.: „Прошел еще год ожесточенной революционной борьбы.

Много крови пролито, много жертв вырвало за этот год самодержавное правительство из среды передового пролетариата вступившего с ним в ожесточенную борьбу... Что же дал нам этот тяжелый год? Искуплены ли жертвы погибших товарищей? Да, ответим мы, жертвы столь дорогих для нас товарищей не пропали даром. Своими страданиями они купили и покупают не только дезорганизацию (растерянность) правительства... Но и самое важное для будущей революции—классовое сознание пролетариата“.

Начинается японская война (1904 г.) и перед партийной организацией встает задача всемерно разъяснить пагубность войны и ее капиталистическую грабительскую сущность, выдвигая в то же время перед рабочими интернациональные идеи. Вместе с этим комитет в своих листовках широко пропагандирует лозунг „долой войну“ и почти каждую листовку оканчивает призывом к свержению самодержавия. Таких листовок—воззваний комитетом за 1904 г. было выпущено 17 названий. Работа революционных с.-д. кружков и партийная литература подготавливают, наряду непосредственным опытом борьбы, достаточно большой кадр партийных работников и сознательных рабочих—революционеров, а вместе с тем и всю рабочую массу к революционной борьбе 1905 г. Когда в конце 1904 г. начался период либерального движения буржуазии („банкеты“) с бесформенными расплывчатыми чаяниями, то тогда уже рабочий класс г. Костромы и губернии был подготовлен к борьбе за свои классовые интересы, за политическую власть. Рабочие массы были достаточно для этого революционно сознательны—опыт предшествующих лет научил их многому.

Большое впечатление на костромских рабочих произвела весть о расстреле питерских рабочих

9 января 1905 г. партийный комитет в своих листовках так писал о „кровавом воскресении“: „Когда угнетаемые осмеливаются подать свой голос, царь знает, что это голос не в его пользу и отдает приказ стрелять в них, как в собак“. В другом месте говорится: „Вставайте, граждане! Час революции пришел... 9-ое января есть день об'явления гражданской войны, день начала революционной мобилизации народа... Смерть царизму! Да здравствует восстание народа!“.. Надо отметить, что партийная организация в Костроме, перед и, отчасти и после 9 января, пыталась обратиться к местному „обществу“ — к либеральной буржуазии и интеллигенции — с призывом „открыто стать на сторону народа, на защиту права и справедливости“. Но надлежащего отклика на этот призыв костромские рабочие со стороны „общества“ не получили. Либералы лили море фраз, но ничего не предпринимали существенного и решительного в борьбе с самодержавием, ограничиваясь благонамеренно — оппозиционными речами на банкетах. На одном из таких банкетов с подлинно — революционной речью, вскрывающей классовые противоречия и задачи момента и призывающей к революционным боям, выступил Я. М. Свердлов, работавший в то время в Костроме.

После 9 января разворачивается по всей России волна стачек и забастовок, к организации каковых костромской комитет РСДРП призывал костромских рабочих. 1 февраля в Костроме забастовали рабочие на фабрике Чумакова, а потом 4 февраля на фабрике Зотова. Требования рабочих были удовлетворены — была сделана прибавка в плате. Настроение рабочих было революционно-боевое. Они были готовы вступить в схватку с полицией, но партийный комитет, зная, что всякое неорга-

низованное и неудачное выступление ослабит силы пролетариата, подорвет революционное настроение, в одном из бюллетеней (№ 3), которые он начал выпускать для постоянного осведомления рабочих о политических вопросах, предупреждает рабочих о необходимости избегать „всякого столкновения с полицией“. На первое мая комитет партии решает организовать большую демонстрацию. Она происходит в городском саду при большом участии рабочих и учащихся. Произносятся речи, разбрасываются листовки, а затем демонстранты, подняв красное знамя, проходят несколько раз по аллее сада, но, выйдя на улицу, подвергаются нападению полиции и демонстрация разгоняется. Комитет о этой демонстрации пишет: „Широким слоем населения заявили они (демонстранты — А. В.) о необходимости борьбы с произволом и насилием и борьбы за конечное освобождение рабочего класса от оков капиталистического строя. Но, благодаря отсутствию у значительной части демонстрантов дисциплинированности и подчинения общему плану, выработанному социал-демократической группой, полиции удалось арестами и избиванием шашками ответить на демонстрацию и ослабить ее значение“. Так партийная с.-д. организация, которая в Костроме была стойко-большевистской, организовывала, спланировала, предостерегая от ошибок, рабочие массы. С мая увеличивается число забастовок и число участвующих в них рабочих. В конце этого месяца вспыхнула стачка на Кашинской фабрике, а затем, на Михинской. Эта стачка носит организованный характер, ею руководит партийная организация. „Боритесь дружно и как можно об'единенней и поставим себе девизом „все за одного и один за всех“ и будем стоять до тех пор, пока не удовле-

творяют наших требований“, — пишет партийный комитет в своем воззвании.

Капиталисты, фабриканты уже начинают понимать, что им приходится иметь дело с грозной и организованной силой пролетариата и пытаются угрозой расчёта и закрытия фабрики предотвратить стачку и ее развитие, советуя рабочим терпеливо, спокойно ожидать окончания законодательных работ правительства, „не подвергая себя и свои семьи печальным последствиям стачки“.

Тем не менее силы пролетариата еще слабы, нет крепкой организованной увязки действий во время забастовок и стачек. Поэтому происшедшая в июле месяце в Костроме стачка, которая была устроена для поддержания стачки иваново-вознесенских рабочих, не была удачной. „Мы не выдержали стачку, мы плохо, недружно держались. Пусть бы мы ничего не выиграли, — это еще не беда, но мы не могли идти друг с другом в ногу... и мы, солдаты трудовой армии (другой мы не признаем), изучим наше поражение“ — писал костромской комитет после этой стачки. Полиция, фабричная администрация спешили выловить, уволить с фабрик наиболее передовых, активных рабочих и поэтому расчёты на фабриках в июне месяце приобретают широкий размер и побуждают партийный комитет выпустить специальную листовку. К этому времени относится начало организации боевых рабочих дружин. Толчком к этому послужило избивание полицией в ночь с 7 на 8-е июня в круглом сквере (у памятника Сусанину) учащих, возвращавшихся с лекции. „Общественная милиция — задача нынешнего дня. Пролетариат, конечно, пойдет дальше. Он организует революционную пролетарскую дружину, задача которой будет заключаться не только в самообороне, но и в нападении

в решительный момент на прислужников царизма“ — отмечается в воззвании костромской группы РСДРП. Надо отметить, что в конце июня местная костромская группа РСДРП, проявившая большую деятельность в революционной организации масс, была преобразована в костромской комитет РСДСП, что давало возможность непосредственно сноситься с Ц. К. партии и получать от него литературу.

В июле месяце на текстильных фабриках г. Костромы (Кашина, Михиной и обе ф-ки Зотова) рабочие вновь об'явили забастовку. Забастовка длилась три недели и кончилась победой рабочих, т.-к. фабричная администрация согласилась убавить один час рабочего дня и произвести прибавку заработной платы. Сплоченность, организованность рабочих в этой забастовке уже налицо, классовое самосознание велико, а революционное настроение в течение всей забастовки не ослабевает. Во время забастовки рабочие выделяют депутатов, которые организуют сбор средств помощи бастующим, ведут переговоры с администрацией фабрик, с городским головой и вообще с представителями власти. В своих требованиях, пред'являемых фабричной администрации, рабочие были решительны, на уступки не шли и еще более спланивались для дальнейшей борьбы. Для обсуждения различных вопросов рабочие собирались то на „михинском сквере“, то за р. Костромой. Власти, в том числе и сам губернатор, пытались уговорить рабочих приступить к работе, но бесполезно — они настаивали на выполнении своих требований. Прокламация костромского комитета так характеризует положение того времени: „Мы своей стачкой раскачали сонное костромское болото — фабриканты, как малые ребята, заерзали на своих теплых местах. Гу-

бернатор день и ночь мечется по городу, как сумасшедший — то дает приказания арестовать всех и каждого, то, как испугавшаяся курица, оторопел и не знает, что делать. Городская Дума, спавшая долгим сном, начинает раскланиваться перед рабочими и говорить о своей доброте“. Движение принимает самые широкие размеры — почти каждая фабрика костромского и кинешемского районов присоединилась к этой забастовке. В Дуляпине (фабрика Малахова) рабочие даже склонны были к разгрому фабрики и хозяйского дома. Во время июльской стачки костромской комитет ведет агитационную работу среди солдат, разъясняя им за что борются рабочие и крестьяне, призывая не стрелять в рабочие собрания и демонстрации. Солдаты, действительно, становились ненадежной опорой для властей и они двигают против рабочих на защиту фабрикантов казаков.

Откликом на манифест 17 октября в Костроме была демонстрация (19 октября) и последовавший за этим черносотенный погром, которому не препятствовали губернские и городские власти. После погрома митинги рабочих устраивались на „Михинском сквере“ где 22 октября на один из таких митингов было произведено нападение казаков. Собравшихся рабочих от нападения казаков стала защищать боевая дружина и после нескольких ее выстрелов был убит казачий сотник и казаки ускакали. После этого митинги собирались более свободно. В первых числах ноября в Костроме организовался Совет Рабочих Депутатов, быстро приобретший большой авторитет среди рабочих. С развертыванием революционной борьбы, Совет, руководимый, через посредство представителей в нем, партийным комитетом, становится органом боевого сплочения рабочих масс. Совет не только занимался вопросами экономиче-

скими, но он был прежде всего в значительной степени органом политическим. В нужные моменты Совет приказывал, диктовал губернатору и прочим властям свои требования. Так было, например, с предложением отменить черносотенную демонстрацию 6 декабря, грозившую вылиться в организованный погром. Совет в то же время совместно с партийным комитетом готовил рабочие массы к вооруженному восстанию, организуя дружины и их обучение, запасая оружие. Поэтому по всей совокупности своей деятельности Совет должен быть расценен, как зачаток революционной власти и диктатуры пролетариата. Надо отметить, что Совет способствовал организации профессиональных союзов, которые в последующем сыграли большую роль в деле сплочения рабочих масс (1906—07 г.г.). После разгрома московского вооруженного восстания рабочее движение подвергается наибольшим репрессиям и нажиму со стороны правительства. В Костроме, где до вооруженного восстания дело не дошло и не потому, что к нему не были готовы рабочие массы, а потому, что восстание в Костроме не могло быть решающим и многозначущим без определения исхода борьбы в крупных центрах,—в последних числах декабря арестовывается Совет Рабочих Депутатов в активной его части, арестовывается также и ряд руководителей местной партийной организации.

1906 г. в начале своем знаменуется некоторым затишьем в революционном движении, но это отнюдь не говорит о его прекращении. Революционная борьба продолжалась с неменьшей энергией, но лишь другими путями и в другом направлении, чем в 1905 г. Особое внимание партийная организация уделила в феврале и марте вопросу организации бойкота выборов в Государ. Думу. Этот бойкот удалось по всей губернии провести вполне удачно: из 50 тысяч

Рабочих не бойкотировало Думу лишь не более 10-15 тысяч. Состав выборщиков в Думу все же получился следующий: два с.-д., три склоняющихся к с.-д. и два кадета. Как характеристику того, как расценивали рабочие Гос. Думу, следует привести характерные строки из резолюции костромских рабочих на избирательном собрании: „И эта Дума не только не может создать республиканский строй, столь нужный обездоленным классам населения, но она будет более удобным, более организованным черносотенным правительством. Единственный путь нам — старый заученный путь — всеобщее восстание и вооруженная борьба за временное революционное правительство!“ До мая месяца продолжалось сравнительное затишье в рабочей массе, но в мае в Костроме возникает забастовка с требованием увеличения заработка. Администрация, наученная опытом 1905 г., идет на уступки, говорит об организации рабочей столовой, о фабричной больнице (ф-ка Михиной). Много помогают рабочему движению того времени профессиональные союзы, организованные в 1905 г. Партийная организация ослабленная арестами, все же ведет большую работу: выпускает листовки, руководит бойкотом Думы, забастовками и работой профессиональных организаций, использует легальную прессу для агитации, организует массовки за городом. Происходившая в июле партийная конференция отметила, что роспуск Гос. Думы правительством подчеркивает всю призрачность мирного исхода борьбы классов, что пролетариат, являясь наиболее способным к непосредственной революционной борьбе (вооруженное восстание) может устранить старое правительство и передать власть в руки народа. Вместе с тем конференция указала, что в настоящий момент необходимо занять выжидательную позицию, воздерживаясь от массовых высту-

плений, выдвигая все же задачу организации вооруженного восстания, как очередную задачу текущего момента. Особенно конференция подчеркнула необходимость борьбы с конституционными иллюзиями, содействуя в то же время росту беспартийных революционных организаций (профсоюзы) и пропаганде среди крестьянства и в армии.

Крестьянское движение приобретает более решительный характер именно в 1906 г. с июня месяца. Крестьяне разгромили несколько помещичьих усадеб, ведя борьбу за прирезку им земли из владений помещиков, за урегулирование земельных отношений между крестьянскими обществами и помещиками. Широкие размеры приняли порубки казенных и помещичьих лесов крестьянами. Все же эти выступления крестьян носили стихийный разрозненный характер и не могли, конечно, иметь положительных результатов, т.-к. полиция очень легко устанавливала „порядок“, пользуясь этой разобщенностью крестьянства.

Выше было сказано, что профессиональные союзы играли большую роль в рабочем движении после революционного 1905 г. Это особенно выпукло видно по рабочему движению в 1907 г. К началу этого года в профессиональном союзе текстильщиков было около 7 тысяч членов. Союз имел отделения в Серее, Вичуге, Тезине, Родниках, Яковлевском, Нерехте, Писцове и др. фабричных местностях. Профессиональные объединения спланивали рабочих, поддерживали в них революционное настроение, вели пропаганду, но главную роль они все же играли в деле защиты экономических прав рабочих. Так, союз текстильщиков, или как он тогда назывался „Профессиональное общество рабочих по обработке волокнистых веществ Костромы и губернии“ в январе 1907 г. пишет администрации ф-ки Михиной по

поводу требований рабочих: „Правление союза дает вам на рассмотрение наших требований недельный срок“. Это показывает, что союз был силой и далеко не безразличной для фабрикантов. В марте на той же фабрике возникает забастовка и профессиональный союз выставляет ряд определенных требований перед администрацией. Эти требования следующие: принятие обратно на работу рассчитанных рабочих, отмена штрафов за плохой товар, полученный вследствие старости и изношенности машин, право ухода рабочих в нужных случаях за полчаса до свистка, отмена штрафа за опоздание до 10-15 мин. и ряд других. Свои требования союз мотивирует ссылками на фактическое положение дел в производстве, указывая также, что он в свою очередь „приложит все усилия, чтоб рабочие не злоупотребляли своим правом“ (говорится об опозданиях). Требования рабочих, подтверждаемые их профессиональной организацией в самой решительной форме, удовлетворялись администрацией, но иногда не полностью, а иногда после недолгого времени они отменялись. Фабриканты чувствовали, что сила, подкрепленная полицией и жандармерией, на их стороне. Но тем не менее, мы видим, что забастовки, верно очень непродолжительные, не носящие массового характера, имеют место на протяжении всего лета. Наиболее крупной из них была забастовка в июле, когда забастовка охватила рабочих всех костромских фабрик. Главнейшими требованиями были: повышение платы, выдача квартирных денег, установление 42-х часового отдыха в неделю, отмена расчетов на пасху, уничтожение штрафов и использование штрафного капитала на нужды рабочих, выдача жалования за время болезни беременным, открытие яслей и, наконец, признание профессионального союза посредником между рабочими и капиталистами. На эти

требования рабочих капиталисты ответили единодушным отказом, в чем их особо энергично поддержал губернатор Веретенников. Правительство и капиталисты держали курс на полное подавление революционного движения 1905—1906 г.г. и поэтому, вполне естественно, что их удар в августе месяце 1907 г. был направлен на профессиональный союз, правление которого было распущено, а сам союз был закрыт. Реакция начинала торжествовать. Летом происходит суд над исполнительной комиссией Совета Раб. Депутатов, а в конце года (декабрь) происходит суд над членами костромской боевой дружины и двум ее членам — Терехину и Козуеву, выносятся смертные приговоры.

Надо отметить, что с января 1907 г. в Костроме по инициативе Стопани („Карп“) была организована 1½—2 недельная нелегальная газета „Северный Рабочий“, которой вышло 15 №№ и которая не мало способствовала идейному сплочению рабочих в их политической борьбе. Особенно хорошо газета провела кампанию выборов во 2-ю Гос. Думу, куда и был послан рабочий-большевик Калинин А. В. Партийная организация, весьма сильно ослабленная предыдущими арестами работников, напрягает все усилия к тому, чтобы сохранить связь с массами, чтоб руководить ими, не давать заглухнуть окончательно революционному движению и это ей в 1907 г. в известной степени удается и лишь 1908 г. приносит ряд больших провалов в организации, благодаря провокатору под кличкой „Фрукт“. Жандармерия, и охранное отделение были хорошо осведомлены о каждом шаге предпринимаемом партийной организацией и ее комитетом в то время уже ставшим окружным. Из тех агентурных сведений, которыми располагала охранка, видно, что партийная организация организовала ряд рабочих кружков, собирала

их, посылая с докладами по вопросам момента прикрепленных к районам своих пропагандистов. Партийный комитет пытается вновь наладить подпольную типографию, назначает на февраль созыв городской конференции, которой состояться не пришлось из-за обысков и арестов. Наконец, 25-го марта арестовывается заволжский районный комитет партии в числе 11 чел., а на следующий день арестовывается городская организация (9 человек) и в последующие дни идут аресты отдельных ее членов.

После этого в 1909—10 г.г. партийная работа в Костроме и в губернии, где тоже шли аресты, фактически прекратилась, т. к. оставшиеся одиночки-партийцы много сделать не могли кроме как держать связь с отдельными рабочими. Верно, были попытки наладить подпольную организацию, но это не удается из-за недостатка сил. Кроме того, к тому времени усиливаются у некоторой части партийцев меньшевистского толка тенденции (стремления) к легальной работе с отказом от подпольной. „Застрельщиками легализма — пишет М. А. Растопчина — являлись отдельные интеллигенты, популярные в рабочих кругах, благодаря своей прежней работе“. Большевистскому ядру остатков партийной организации приходилось вести борьбу с этими правыми тенденциями, сохраняя подпольную работу. В то же время это ядро вело борьбу и с левыми стремлениями — совершенно отказаться от использования легальных способов работы. Мнение большевиков взяло верх, подчинив себе значительную часть т.-н. „легалистов“. Это имело важное значение для сохранения партийных сил и для сохранения связи с массами, тем более, что летом 1911 г. намечается некоторое оживление в рабочем движении. Так летом в селе Яковлевском вспыхивает длительная забастовка, в которой рабочие проявляют выдержку и стойкость, пригласив для

руководства ими в стачке представителя костромской партийной организации. Вместе с тем оживает вообще подпольная работа, начинают работу некоторые революционные кружки. Работу тормозит отсутствие литературы, подготовленных пропагандистов, но это изживается с появлением легальной большевистской питерской газеты „Звезда“, которая имела до 400 рабочих подписчиков. Затем ведется кампания подписки на „Правду“, которая имела еще большее влияние на сознание рабочих масс в период 1912—14 г.

Такое положение позволяет партийной организации вести в известном размере руководство рабочим движением, направлять его в наиболее острые политические моменты по верному классовому руслу. Так организация в дни ленских событий (апрель 1912 г.) обращается к рабочим с призывом к стачке. Летом того же года организуется всеобщая рабочая стачка в Костроме, выдвинувшая руководителей непосредственно из самой рабочей среды. Это показывает, что партийная работа имела свои результаты, что рабочая масса выросла в своем революционном сознании и выделяет значительные кадры рабочих—революционеров.

Таким образом, революционное движение начало оживляться, идти на подъем. Партийная организация, несмотря на аресты и провокацию, имевшие место и в 1913—1914 г.г., держала постоянную связь с рабочими массами, пополняя свои ряды новыми силами из рабочей среды. Этим подъемом революционного самосознания рабочих масс объясняется и то, что борьба рабочих с капиталистами и правительством не заглохнет и в годы империалистической войны. Ярким примером того, что рабочие массы были настроены против войны и вообще были готовы к революционному массовому и стойкому выступлению, является забастовка костромских текстилей

в июне 1915 г. Этой забастовкой руководила партийная организация, которая, предвидя, что правительство, пользуясь условиями военного времени, расправится с рабочими самым жестоким образом и применит вооруженную силу, вела агитацию среди солдат, за то, чтоб они не стреляли в рабочих. Все же рабочие были расстреляны на том же, имевшем революционное прошлое, — „Михинском сквере“. Расстрел был произведен полицией и несколько человек (4) было убито и около 15 человек ранено. Эта забастовка не была единичным обособленным выступлением костромских рабочих, т.-к. по всей губернии, в ее рабочих районах, шли забастовки. Война, вызвавшая вздорожание жизни, с одной стороны, и большую эксплуатацию, с другой, — была причиной ряда забастовок, отличавшихся особой обостренностью и революционной настойчивостью со стороны рабочих масс.

Так с боями костромское революционное рабочее движение подходило к февральской революции 1917 г., чтоб затем перейти к октябрьской пролетарской революции, к захвату власти в свои руки, к организации советов и к борьбе за них в гражданской войне, чтоб после победы и над самодержавием, и над капитализмом приступить к строительству рабоче-крестьянского государства и социализма.

Литература: Евг. Дюбюк. Очерки по истории рабочего движения в Костромской губернии. Выпуск 1-й. Изд. автора. Кострома, 1926 г.

М. Растопчина. Очерки по истории революционного движения в Костроме. Изд. Костр. Губкома Р. К. П. (б), Бюро Истпарта. Кострома, 1922 г.
1905 год в Костроме. Сборник статей. Изд. Губ. Комиссии по организации празднования 20-ти

летия революции 1905 г. Истпартотдел Костромского Губкома Р. К. П. (б). Кострома, 1926 г.

„Известия“ Костромского Губ. Комитета Р. К. П. (б) № 3 (20), март 1923 г.

А. Высоцкий. Костромской Совет Рабочих Депутатов 1905 г. Изд. Губ. Комиссии по организации празднования 20-ти летия революции 1905 г. Истпартотдел. Кострома, 1926 г.

БМБПРОТЕК
КРАСНОЙ ПРОФЕС
Инв №.....

7948

Цена 20 коп.

